

Глава 9. Зброшенная усадьба

Сюй Нуо вошел в экипаж и сел напротив Чжао Бучжи. Повозка тронулась, но между ними царил полное молчание.

«И ведь даже не спросил, куда мы едем. Неужели он всегда так беспечно плывет по течению? Как можно настолько доверять миру и при этом быть столь незащищенным? Случись кому по-настоящему пожелать ему смерти, его погубят под любым предлогом... Или он просто верит мне? Потому и пошел следом без тени сомнения?»

Чжао Бучжи злился на себя — глупо, безотчетно. И так же безотчетно тревожился, ловя мимолетное облегчение. Проклятая путаница в мыслях! Впрочем, темнота кареты сейчас была его спасением: Сюй Нуо не мог видеть, как меняется его лицо, искажаемое этой нелепой внутренней бурей.

— Молодой господин, приехали, — раздался снаружи голос Суйфэна.

Повозка остановилась. Чжао Бучжи первым соскочил на землю и обернулся, намереваясь подать Сюй Нуо руку, но тот уже стоял рядом — бесшумный, легкий, словно сотканный из воздуха. В груди Бучжи шевельнулась странная, щемящая тоска.

— Господин, я найду место для экипажа и вернусь сюда, — Суйфэн огляделся по сторонам.

Чжао Бучжи молча кивнул.

Скрип колес, давящих свежий снег, прозвучал в ночной тишине неестественно громко. Сюй Нуо поднял взгляд на неприметную, полузаброшенную усадьбу. От этого зрелища по спине пробежал внезапный холодок, а голова закружилась, наливаясь тяжестью.

Чжао Бучжи снял свой плащ и набросил его на плечи спутника. Но едва он занес руку, собираясь постучать, как тяжелые ворота приоткрылись. Из щели высунулся юный слуга в зеленом халате.

— Великий наставник Чжао? Молодой господин Сюй? — спросил малец.

Бучжи лишь слегка кивнул. Хозяин усадьбы всегда знал обо всем заранее, и удивляться этому давно не приходилось.

Слуга окинул гостей взглядом. На мгновение на его лице отразилось крайнее изумление, и он ошеломленно замер. Заметив, как нахмурился Чжао Бучжи, мальчик тут же спохватился:

— Прошу прощения! Мой господин давно вас ждет. Проходите.

Он отступил, увлекая их за собой, но его взгляд продолжал украдкой и с явным любопытством ощупывать Сюй Нуо.

Миновав ворота, они замерли от изумления. За высокими стенами скрывался мир, не имевший ничего общего с зимней стужей снаружи. Здесь буйствовала зелень, весь сад утопал в цветущих персиках, а мимо аккуратной крытой соломой хижины журчал незамерзающий ручей, над которым поднимался легкий пар. Настоящее торжество весенних красок посреди зимы!

Но Сюй Нуо ощутил лишь нарастающее беспокойство.

Что-то здесь было не так. Он протянул руку, сорвал нежный розовый лепесток с ветви и поднес к лицу. Так и есть — цветы ничем не пахли.

Сюй Нуо прислушался. В саду стояла мертвая, звенящая тишина. Ни шороха, ни пения птиц. На земле не было ни единой снежинки. Но самым странным и пугающим казалось другое — это место казалось ему смутно, до боли знакомым.

Чжао Бучжи заметил замешательство спутника и лишь понимающе, с мягкой грустью улыбнулся. Еще в пятилетнем возрасте, когда таинственный хозяин усадьбы одним легким движением вызволил его из смертельного окружения, Бучжи понял: этот человек не от мира сего. За последующие двадцать лет он не раз убеждался в его гениальности — тот ведал законы звездного неба, тайны земных недр, читал чужие судьбы и знал ответы на любые вопросы. Бучжи давно привык к его непостижимой природе.

Внезапно в беседке у ручья вспыхнул мягкий, ровный свет — это сияла крупная жемчужина ночного сияния. Там, полулежа на скамье, сидел человек. Лицо его скрывал сложенный веер, из-за которого он пристально разглядывал гостей. Чжао Бучжи поразился: на сей раз хозяин усадьбы не надел свой неизменный плащ с глубоким капюшоном. А ведь за двадцать лет Бучжи ни разу не видел истинного обличья Восточного Нефритового Лиса!

— Ты пришел, — донесся из беседки тихий, отрешенный голос.

Взгляд Сюй Нуо встретился с глазами человека, смотрящего на него поверх веера, и он оцепенел.

Они устроились в беседке друг напротив друга. Восточный Нефритовый Лис по-прежнему держал веер у лица, но в его глазах сквозила мягкая, едва заметная усмешка, обращенная исключительно к Сюй Нуо.

Слуга поспешно подал чай — ярко-зеленый настой источал густой, дурманящий аромат. Сюй Нуо почувствовал неладное.

— Я не хочу пить, — холодно отказался он.

Мальчик торопливо забрал его пиалу.

Чжао Бучжи с улыбкой взял свою чашу.

— Каждый раз, навещая господина Дунфана, я получаю возможность пригубить редчайший отвар. Интересно, чем вы удивите меня сегодня?

Восточный Нефритовый Лис опустил взгляд.

— Это «Пьяный в жизни, спящий в смерти», — тихо произнес он.

Чжао Бучжи рассмеялся и осушил чашу одним глотком.

— И впрямь... — выдохнул он, но не успел закончить фразу — голова его бессильно опустилась на деревянную столешницу. Он крепко уснул.

Слуга тут же бесшумно подошел, подхватил сонного наставника под руки и увел в дом.

Сюй Нуо хранил молчание. Поведение хозяина и его слуги казалось странным, но опасности он не чувствовал.

— У тебя действительно осталась духовная сила, — мягко рассмеялся собеседник. — Жаль только превосходный чай «Сердце бамбука».

С этими словами он медленно опустил веер.

Сюй Нуо замер. Перед ним открылось лицо невероятной, утонченной красоты. Но поразило его другое: это лицо было точной копией его собственного.

— Ты!.. — вырвалось у Сюй Нуо. С первой секунды его не покидало чувство смутного узнавания, но он и представить не мог, что под веером скрывается его собственный двойник. — Кто ты такой?

— Я — это ты, — незнакомец лукаво прищурился. В его голосе зазвучали дразнящие, почти легкомысленные нотки, словно Сюй Нуо был для него забавной игрушкой.

Сюй Нуо потянулся к ветке, сорвал безжизненный персиковый цветок и сухо спросил:

— Тогда кто же я?

Усмешка исчезла с лица двойника. Его взгляд стал глубоким и чистым, как родниковая вода.

— Ты — моя утерянная душа. Одно высшее духовное начало и три низших. Мои одна хунь и три по.

Сюй Нуо бросил цветок на стол и криво усмехнулся:

— Если верить здешнему календарю, мне уже двадцать пять.

Восточный Нефритовый Лис подобрал веточку персика и спрятал в широкий рукав халата.

— Двадцать первый век. Чжао Тяньи. Ну и как, весело тебе жилось?

Сюй Нуо словно громом поразило. Он застыл, не в силах пошевелиться. Неужели он не ослышался? Этот человек только что произнес слова «двадцать первый век»? И назвал имя... Чжао Тяньи?!

— А мне уже пятьсот двадцать пять лет, — Дунфан Юйху поднялся, заложив руки за спину. Он задумчиво окинул взглядом весенний сад, а затем обернулся и горько, одиноко улыбнулся: — Верить мне или нет — твое дело.

Впрочем, после того как сам он чудесным образом перенесся сквозь пространство и время, в этом мире уже ничто не казалось невозможным.

— Наконец-то ты вернулся... Еще немного, и я бы точно сошел с ума от этого ожидания, — Дунфан Юйху снова опустился на перила беседки, не сводя с Сюй Нуо теплого, почти нежного взгляда.

Они смотрели друг на друга. У них были одинаковые лица, но это не рождало отторжения. Напротив, между ними возникло удивительное чувство близости, какое бывает лишь у старых друзей, знающих друг друга вечность.

— Я не понимаю, о чем ты говоришь, — Сюй Нуо упрямо встретил его взгляд.

— Это неважно. Главное, что ты здесь.

Дунфан Юйху вновь достал веточку персика.

— Наконец-то все закончится.

Он взмахнул рукавом. Из открытого окна хижины сама собой вылетела глиняная бутылка и опустилась прямо ему в руку. Не обращая внимания на Сюй Нуо, Восточный Нефритовый Лис наполнил чашу и сделал глоток, тихо напевая:

— Из года в год цветы цветут все так же... Но люди, что приходят к ним, уже не те...

Спустя пару глотков его взгляд затуманился, словно от сильного хмеля.

Сюй Нуо посмотрел на сосуд.

— Это то самое вино, «Пьяный в жизни, спящий в смерти», что ты поднес Чжао Бучжи?

В ту же секунду его шею опалило чужим дыханием. Сюй Нуо вздрогнул и повернул голову. Дунфан Юйху стоял вплотную, положив подбородок ему на плечо. Глаза его оставались абсолютно ясными — никакого хмеля в них не было и в помине.

Глаза Восточного Нефритового Лиса лучились озорным весельем. Он легонько, дразняще подул на ухо Сюй Нуо. Тот поспешно отступил на шаг, увеличивая дистанцию. Злости эта выходка не вызвала, но быть объектом заигрываний со стороны собственной точной копии... ощущение было неопишимо странным.

Дунфан Юйху выпрямился и на глазах у изумленного Сюй Нуо швырнул бутылку на землю. Но звона разбитой глины не последовало. Едва коснувшись камней, темно-зеленый сосуд рассыпался дождем благоухающих персиковых лепестков. Сюй Нуо оцепенел. Одно дело — призывать предметы силой мысли, но сотворить столь совершенную иллюзию... Кем же был этот безумец?

— Взгляни на этот сад. Как думаешь, сколько деревьев здесь цветет? — спросил Дунфан Юйху, наслаждаясь его замешательством. — Каждые десять лет я выпивал по кубку, коротая вечность в ожидании твоего возвращения.

Он медленно пошел вперед, сокращая расстояние между ними.

— Знаешь ли ты, что происходит с тем, кто лишился половины своей души?

Сюй Нуо хотел отступить, но ноги словно вросли в землю — его привычная легкость куда-то испарилась. Он мог лишь завороченно наблюдать, как лицо двойника приближается, пока тот мягко, почти невесомо не коснулся его губ своими.

Никакой страсти. Никакого тепла. Полная пустота.

«Ни жив, ни мертв... Осужден на вечное одиночество...»

Мир вокруг замер, лишившись звуков и воздуха. Фигуры обоих мужчин начали медленно источать призрачный свет, становясь прозрачными, пока наконец не слились воедино. Сознание Сюй Нуо поплыло, и в его разум безудержным, сокрушительным потоком хлынули чужие воспоминания.

В той, далекой жизни...

Он парил на крыльях ветра и повелевал дождями. Он без страха изгонял скверну, умирал демонов и вел неспешные беседы с призраками о делах смертных.

Прекрасный юноша в расцвете лет... Но даже его великая сила оказалась бессильна перед оковами любви.

Двое юных заклинателей, чья красота могла затмить луну. Они пили вино под звездным небом, смеялись, танцевали с мечами, не зная забот и границ.

Но молодость мимолетна. Один ушел в небытие, оставив другого увядать в горьком одиночестве. Персиковый сад цвел, но некому было любоваться его красотой. Тоска и одиночество пустили корни глубоко в сердце, разрастаясь, как сорная трава.

Тогда он решил забыться. Одержимый безумной тоской, он отпустил часть своей души — одну хунь и три по, чтобы те следовали за ушедшим сквозь колесо перерождений. Сам же остался здесь — гордый, неприкаянный, лишенный возможности переродиться. Запертый в междумирье, обреченный на неживое существование.

Спустя сотни лет разделенные половины наконец воссоединились. Но принесло ли это покой? Что есть любовь? Что есть верность до гроба? Красивые клятвы, которые никто не в силах исполнить...

На ладонь Сюй Нуо опустился розовый лепесток. Его взгляд мгновенно прояснился, обретая небывалую глубину. Он медленно огляделся вокруг и взмахнул широким рукавом халата — в то же мгновение пышное цветение персиков осыпалось, уступив место унылой зимней нагоде.

Пятьсот лет разлуки... Но он все вспомнил. Каждую деталь.

На следующее утро Чжао Бучжи привычно поднялся с постели, умылся, переоделся и отправился на утренний доклад во дворец. В это время у ворот Обитали Водной Луны с суровым видом нес дозор страж Суйфэн. Для них вчерашний вечер прошел обыденно и просто, не оставив после себя ни единого яркого воспоминания.

Сюй Нуо лениво оперся о перила террасы, глядя на заснеженный пруд, и на его губах заиграла едва заметная улыбка.

«Стереть из их памяти любые упоминания о Восточном Нефритовом Лисе оказалось непросто. Пришлось изрядно постараться...»

<http://bllate.org/book/20483/2131987>